

В овраге

Родным братом Редьки по духу можно считать плотника Костыля («В овраге»). Это такой же внешне чудаковатый, но глубоко убежденный правдолюбец. Человек большой духовной силы, он смог пронести свои убеждения через всю свою тяжелую трудовую жизнь. Когда в молодых годах был, — рассказывает Костыль, — я очень свою Настасью жалел. Бабочка была тихая. И бывало все: «Купи, Макарыч, дом! Купи, Макарыч, дом!» Макарыч, лошадь!» Умирала, а все говорила: «Купи, Макарыч, себе дрожжи-бегунцы, чтобы пеши не ходить». А я только пряники ей покупал, больше ничего». И Костыль оказался непоколебимым — так и доживает свой век, презирая собственность и не обременяя ею своего существования. Он стоек и не поддается житейским соблазнам не случайно. У него есть своя философия, позволяющая ему — бедняку, рабочему человеку — чувствовать свое превосходство над богатеями. Он рассказывает Липе и ее матери, как однажды поспорил со своим хозяином-купцом и был им обруган. На другой день, рассказывает Костыль, купец отмяк: «Ты, говорит, на меня не гневайся, Макарыч, за мои слова. Ежели, говорит, я что лишнее, так ведь и то сказать, я купец первой гильдии, старше тебя, — ты смолчать должен». Вы, говорю, купец гильдии, а я плотник, это правильно. И святой Иосиф, говорю, был плотник. Дело наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вам угодно быть старше, то сделайте милость, Василий Данилыч. А потом этого, после, значит, разговору, я и думаю: кто же старше? Купец первой гильдии или плотник? Стало быть, плотник, деточки!

Костыль подумал и добавил:

- Оно так, деточки. Кто трудится, кто терпит, тот и старше»

Тут же мысль о хранящейся в народе правде Чехов воплощает и в других образах. Редька и Костыль — это не только правдолюбцы, но и философы. У них есть своя, осознанная ими, философия жизни. Тут же мысль о хранящейся в народе правде Чехов воплощает и в других образах. Редька и Костыль — это не только правдолюбцы, но и философы. У них есть своя, осознанная ими, философия жизни. Не таковы Липа и ее мать («В овраге»). Это очень темные, крайне неразвитые женщины. Но в них стихийно воплощается правда народной жизни. Они с детских лет трудятся и «терпят», то есть страдают от невзгод, лишений и несправедливости. Поэтому так близка и понятна им философия Костыля, а его слова о старшинстве тех, кто трудится, производят на них неотразимое впечатление.

Однако мысль о торжестве правды — это не только мечта. И там, внизу, в реальных условиях повседневного бытия, печать правды лежит на всем облике Липы, придавая ей неизъяснимую прелесть, которую постоянно подчеркивает Чехов. Такова и заключительная сцена повести, где Липа вместе с толпой баб и девок возвращается с работы по погрузке кирпича. «Они пели, — пишет Чехов. — Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть».

Нетрудно видеть сильные и слабые стороны чеховского представления о народе как о хранителе идеи справедливости. Мысли о некоей «правде», хранящейся в недрах народной жизни, само представление о народе, якобы едином в этой своей приверженности к правде, трудно увязывались с теми картинами народной жизни, которые рисовал Чехов, картинами, исполненными кричащих, раздирающих эту народную жизнь противоречий. Вместе с тем не менее очевидно, что эти мысли характеризовали Чехова как последовательного демократа и гуманиста. Следует всячески подчеркнуть, кроме того, что даже эти романтические суждения Чехова о народе были относительно наиболее трезвыми, если иметь в виду взгляды на народ, которые господствовали в его время. При всей абстрактности общей чеховской характеристики народа, она была начисто лишена как толстовских, так и народнических иллюзий.

Убеждение, будто обездоленный и закабаленный народ хранит веру в торжество справедливости, в общем означало ведь не что иное, как веру в освободительные силы русского народа. Да, эта вера носила романтический характер, однако Чехов отстаивал ее в период, когда разочарование народнической интеллигенции в народе достигло особенной остроты, а идеи революционного марксизма еще не получили широкого распространения. Этим и определяется их прогрессивное историческое значение

Уже приводившиеся выше примеры позволяют сделать и еще один важный вывод. Народническая интеллигенция имела очень твердое и устойчивое представление о народе. Для них слова «крестьяне» и «народ» были по сути дела синонимами. Такое понимание досталось и Чехову в наследство от демократической общественной мысли семидесятых годов. Однако в сознании писателя представление о народе потеряло этот специфический народнический оттенок. Плотник, маляр, поденщица, мужик — все они для Чехова люди труда, все едины, так как, работая на меньшинство, сами остаются обездоленными. К людям труда причисляет Чехов и представителей трудовой интеллигенции, также обреченной на тяжкую борьбу за существование и на вечные унижения. Это давняя мысль Чехова, которую он высказывал еще в рассказах восьмидесятых годов - таких, как «Неприятность», «Враги», «Княгиня». Во второй половине девяностых годов писатель вновь и вновь возвращается к той же теме.

ЦГТБ имени А. П. Чехова